

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

ЭТЮД СУДЬБЫ, ЭТЮД ЭПОХИ

Из бесед с Ираидой Семеновной Нечкиной-Финкельштейн

Приходится сожалеть, что о художественной жизни Екатеринбурга-Свердловска первой половины XX в. имеется крайне мало воспоминаний¹. Этот пробел трудно восполнить архивными документами и музейными каталогами. Сухие факты часто не позволяют, а порой мешают понять особенности творческого процесса отдельного художника и художественной атмосферы эпохи. Поэтому так ценны любые живые свидетельства, мнения, предположения и догадки. Поэтому так дорого общение с художниками старшего поколения.

Факты творческой биографии Ираиды Семеновны Нечкиной-Финкельштейн просты и могут уместиться в несколько строк: родилась в 1910, окончила Свердловское училище ИЗО в 1940, член Свердловской организации Союза художников. За этими фактами насыщенная плодотворная жизнь, общение с яркими талантливыми людьми — художниками Леонардом Туржанским и Иваном Слюсаревым, садоводом Дмитрием Казанцевым, учеными Соломоном Миллером и Сергеем Мокрушиным, искусствоведом Борисом Павловским, поэтессами Еленой Хоринской и Беллой Дижур.

В 1940—1990-х гг. Ираида Семеновна активно участвует в художественных выставках Свердловска, и ее имя хорошо известно любителям изобразительного искусства. Однако особого ажиотажа ее произведения не вызывали, другие художники, сменяя друг друга, властвовали на местном Олимпе. Искусствоведы и художественные критики, хотя и отмечая отдельные работы Финкельштейн в статьях и каталогах, не подвергали ее творчество внимательному анализу. Крупный уральский искусствовед Б. В. Павловский лишь эпизодически упоминает о произведениях Финкельштейн в своих статьях и монографиях, но, как вспоминает Ираида Семеновна, на одной из выставок он долго стоял перед ее картиной «Белый шиповник» и был счастлив, когда художница подарила ему эту работу.

---

¹ Можно вспомнить мемуары Николая Сазонова «Воспоминания уральского художника» (Л., 1966) и книгу Николая Чеснокова «Претворенная в жизнь мечта» (Екатеринбург, 2000).

© И. С. Нечкина-Финкельштейн, 2006

© Е. П. Алексеев, вступительное слово и комментарии, 2006

Действительно, во времена господства индустриальной темы и политического плаката незамысловатый натюрморт, садовые и полевые цветы казались вещами второстепенными, но зрителя тянуло именно к ним, и именно в этих произведениях Ираида Финкельштейн смогла передать свое восхищение перед красотой и богатством природы. Ее натюрморты пронизаны домашним теплом, уютом, той особой атмосферой, которую может создать только женщина. На Урале в 1940—1950-х гг. среди художников женщин было мало², и в жестких условиях культурной жизни провинции им было сложно не только работать наравне с мужчинами, но и отстаивать право на особое видение мира.

Ираида Семеновна много занималась бытовым жанром. Произведения художницы «В школьной мастерской», «Не сдала экзамен», «Мамина помощница» написаны в традициях жанровой живописи 1950-х гг. Историки искусства отнесут подобные работы Финкельштейн к соцреализму и будут формально правы, но эти произведения не только дань эпохе, в них есть желание передать кипучую, шумную школьную жизнь, есть ощущение светлого материнского взгляда и любви. Недаром героев своих картин художница писала с дочери, ее подружек и одноклассников.

Сейчас, по прошествии времени, становится ясно, что без работ скромной труженицы Ираиды Нечкиной-Финкельштейн история художественной жизни города будет неполной.

Когда началась работа над настоящим текстом, Ираиде Семеновне уже исполнилось девяносто пять лет, и понятно, что в таком возрасте трудно подготовить объемные и детальные мемуары. Текст складывался из многочисленных бесед на протяжении полугода, и особого плана первоначально не было. Мы беседовали и о современном положении изобразительного искусства, о проблемах Екатеринбургского отделения Союза художников России, о том, как меняется наш город. Ираиду Семеновну интересовали и события современной художественной жизни Урала, и творчество современных уральских поэтов. Несмотря на болезнь ног, ей удается бывать на некоторых художественных выставках, она общается с художниками, своими бывшими учениками и товарищами по профессии, и достаточно хорошо осведомлена о современном положении дел.

Постепенно складывался настоящий материал, при его чтении Ираида Семеновна неоднократно уточняла и дополняла сказанное. Я постарался сохранить живую речь и непосредственность рассказа со всеми невольными шероховатостями и отступлениями.

Романтическое отношение к жизни, оптимизм и творческая энергия художницы чувствуются и в ее рассказах о своей жизни, о творчестве, о людях, которые ее окружали. Память творческого человека избирательна, но при всей эскизности и живописной этюдности воспоминаний Ираиды Нечкиной-Финкельштейн возникает ощущение яркой плодотворной судьбы и драматической, насыщенной трагическими событиями и свершениями эпохи.

Е. П. Алексеев

У моей мамы был дядя, который писал вывески для магазинов и трактиров Екатеринбурга. Он рисовал и для себя. У нас дома висели две его работы: натюрморт «Ваза с фруктами» и пейзаж с лесом и речкой. Дядя был художник-любитель, и его картины напоминали уличные вывески: четкая графическая линия, яр-

---

² В 1940-х гг., кроме И. С. Нечкиной-Финкельштейн, в Свердловском отделении Союза художников работали: живописец Т. А. Партин, график Е. В. Гилева, скульпторы Г. В. Петрова, Г. Г. Рудницкая, К. Ф. Комарова, М. В. Заскалько, Т. Б. Онуфриева.

кие пятна. Эти работы я помню с раннего детства. Жалко, что потом они пропали. У отца на столе стояла горка из самоцветных камней. Я любила ее рассматривать, с тех времен мне нравятся уральские камни, малахит, родонит, яшма и другие. Я их писала, включала в натюрморты³.

* * *

Мой отец, Семен Александрович Нечкин, до революции работал маркшейдером на шахтах Пашийского завода близ реки Чусовой. На Пашийском заводе я и родилась. Нас четырнадцать человек было в семье, я тринадцатая. Шахты принадлежали французским концессионерам, отец со временем стал заведовать у них рудниками. Мыли тогда золото больше вручную и самодельными драгами. Был у нас большой дом: пять-шесть комнат, лошади, экипаж, кучер. Жена кучера помогала маме по хозяйству. Была большая веранда, на которой мы обедали и играли. Около дома был сад, а в саду маленькое озеро.

Случилась революция, французским владельцам предложили в 24 часа уехать. Они уехали к себе на родину, а папу новые власти уволили, и мы лишились всех благ...

Всей семьей мы переехали в Невьянск, стали жить в доме деда. Дом был большой, двухэтажный, в нем мы и разместились. Отец занялся сельским хозяйством, развел скот, купил лошадь. В Невьянске у нас кошева была, нас на ней катали. В масленицу запрягут две лошадки, в кошеву нас сажают, одеялом меховым укроют, в дуге колокольчики, цветочки, флажки. Так нас катали по улицам и городскому пруду. Летом отец грузил в большую телегу бочоночки и мы всей семьей ехали за грибами. Жили в шалашиках два-три дня. Мы, дети, по горкам бегали, грузди, рыжики собирали, а мама у реки грибы солила, мариновала... Возвращались с полной телегой грибов, запасы делали на целый год. Очень я любила эти поездки и с нетерпением их ожидала.

Отец стремился всем детям дать образование. Сестра Лиза училась в гимназии в Екатеринбурге. Брат Костя — в Петрограде, в Институте путей сообщения. Он по назначению работал в Киеве, а потом его отозвали в Москву на строительство первой линии метро. Брат Михаил работал на высоких должностях в Министерстве тяжелой промышленности в Москве, принимал участие в строительстве металлургического комбината в Магнитогорске. Брат Владимир жил в Санкт-Петербурге, он был четырнадцатый. У него судьба была такая: он был строитель, как началась война, его с первых дней взяли в строительные части, и он строил понтонные мосты. Был все время на передовой, много раз попадал под обстрел, несколько раз побывал в госпиталях, но выжил. После войны его маршал Жуков не отпустил от себя, говорит: «Вы хоть комендантом побудьте у меня». Это в резиденции его, Жукова. И брат закончил войну будучи комендантом у Жукова. Подполковник. Потом стал начальником строительства в Ленинг-

---

³ Натюрморт И. С. Нечкиной-Финкельштейн «Богатства недр» хранится в Доме культуры Уралмаша.

радском военном округе. Ушел на войну с вьющейся шевелюрой, а стал совершенно лысым. Рос он таким болезненным мальчиком, худенький. Маме говорили: «Ой, у тебя-то последние ребята не долгожители». А оказалось, что мы пережили всех братьев и сестер...

Владимир умер внезапно в феврале этого года, и для меня это стало большим ударом, до сих пор не могу в себя прийти...

* * *

Еще до революции родители выписывали иллюстрированный журнал «Нива», и я любила смотреть фотографии и рисунки в этом журнале, копировать, перерисовывать. В Невьянске смотрели в кинотеатре американские фильмы, черно-белые, немые. Помню, один фильм назывался «Знак Зорро». Продавались и фотографии американских актеров — Дугласа, Мэри Пикфорд и других. Папа покупал эти открытки, и я старательно перерисовывала их карандашом. Я где-то видела картинку на бересте, и когда папа заготавливал дрова, попросила его выпилить мне досочку с берестой. На досочке я изобразила редиску с зеленью. Отцу очень понравилось, его моя работа прямо поразила. Потом он купил мне акварельные краски и бумагу.

У нас в девятилетке рисование преподавала очень интересная, молодая, красивая женщина, армянка по национальности. Я прилежно рисовала, она и говорит: «Приходите ко мне вечером». Она жила у нашей ученицы, комнату снимала... Мы с подружкой к ней ходили смотреть, как она рисует. Она писала пейзажи и декоративные композиции с птицами.

* * *

Когда я окончила школу II ступени с педагогическим уклоном, меня послали в деревню Таватуй работать учительницей. Добиралась с приключениями, на поезде до деревни Калиново, а потом надо было идти еще семь километров до озера. Была непогода, штормило, и в лодку меня не взяли, не было места. Обещали сообщить в сельсовет и прислать утром за мной лодку. Осталась я со сторожем. Он говорит: «Не тужи». Принес сена в будку, там я и переночевала. Утром прибыл лодочник и повез меня через озеро. Озеро большое, пять километров, волны перехлестывали через борт, страшно, но лодочник опытный был, меня успокаивал. На берегу меня встречала вся деревенская интеллигенция: председатель сельсовета, избач, председатель потребсоюза. Поселили в школе, один класс пустовал, там стол поставили, кровать, но жить там было неудобно. Ветер с озера стучит в окна, пьяные голоса по ночам, выстрелы, я боялась и убегала к сторожике в подвал, чтобы у ней переночевать. Попросила председателя поселить меня на частной квартире. Поселили в доме работника промкооперации, изба была просторная, чистая, хозяйева староверы, люди строгие, но ко мне относились хорошо. Жена работника промкооперации Аннушка меня кормила, пироги с рыбой пекла.

Время в деревне было беспокойное, двадцать восьмой год, шло раскулачивание. Приходили военизированные люди и скот забирали у кулаков, случалось и у

середняков. Возникали моменты сопротивления, по ночам стреляли. Злоба была, убивали...

В деревенской школе была всего одна учительница, а было четыре класса, и мне, семнадцатилетней, дали два класса, у меня в классе сидели половина второго класса, половина — четвертого. И вот я должна была составлять план работы ежедневно для той и для другой группы. Но я была молодая, мне все легко давалось. Я спортом занималась. Я каталась на лыжах и коньках. Мобилизовала и своих ребят, мы расчищали на озере площадку, я становилась на свои коньки, а у них коньков не было, они привязывали металлические прутья или деревяшки к обуви и так вот катались. Катаемся с ними на озере, а рыбаки из колхоза тянут сети, увидят меня, кричат: «Учительша, давай выбирай себе рыбу!»... Я их благодарила и говорила: «Аннушка придет, купит...».

Помню, как бабы деревенские стоят на берегу и говорят: «Учительша-то у нас какая! Робенок сама-то». Но потом я им показала, какая я учительша...

Я занималась в художественной самодеятельности. Еще в Невьянске ходила в детский клуб, и там мы ставили пьесы, и детского плана, и даже произведение Чехова «Медведь». В деревне я организовала драмкружок, вместе с учениками стихи читали, песни пели. Все во мне кипело, хотелось и рисовать, и выступать на сцене. Вечерами проверю тетради детские и рисую. Вот такая у меня была молодость. Два года я работала в деревне, а потом убежала. Все, не хочу преподавательской работой заниматься, хочу пойти в промышленность. С подругами втроем приехали в Свердловск на завод химреактивов. Он располагался около Исети, сейчас рядом с этим местом парк Маяковского. Я закончила курсы химиков-лаборантов. Помню первые трамваи в Свердловске, бренчат, бренчат, такой скрежет от них, скрипучие были, шумные...

* * *

Большим другом нашей семьи был известный екатеринбургский садовод-мичуринец Дмитрий Иванович Казанцев⁴. В свое время он познакомил моих родителей, и мои старшие братья и сестры, когда приезжали в Свердловск учиться, первое время жили в доме Казанцевых. Дмитрий Иванович написал книгу «Первые уральские яблоки». Раньше яблоки на Урале не росли, а Казанцев вывел морозоустойчивый сорт. Я тоже часто бывала в гостях у Казанцевых, но до замужества жила в семье брата Сергея.

* * *

На реактивном заводе познакомилась с будущим мужем. Он окончил Киевский химико-технологический институт и заведовал химической лабораторией. Муж

---

⁴ *Дмитрий Иванович Казанцев* (1875—1942) — садовод-селекционер, писатель, проводил работы по получению новых сортов и акклиматизации яблони и вишни, автор книг «Плодовый сад» (Свердловск, 1934), «Яблочный мир» (Свердловск, 1935), «Мой многовековой опыт» (Свердловск, 1940). Сад садовода-селекционера Д. И. Казанцева (ул. Октябрьской революции) ныне является памятником истории и культуры Свердловской области.

мой потом с реактивного завода ушел в Институт охраны труда, а там один художник-прикладник был, при институте. Муж с ним поделился: «У меня жена день и ночь рисует и рисует, ее бы познакомить с кем-нибудь из художников». Тот отвечает: «Это можно, есть у меня знакомый художник Слюсарев Иван Кириллович»⁵. Слюсарев и согласился давать мне частные уроки. Со мной на занятия стал ходить и мой старший брат Сергей, он был горняк по специальности, но искусство тоже любил. Так мы пару лет с братом занимались у Слюсарева. И потом вдруг открывается училище⁶... Еще до училища при Доме народного творчества существовал изокружок, я там тоже показала работы свои на выставку принесла. Они засомневались, сама ли я это рисую. Я говорю: «Занимаюсь у Слюсарева». И меня неохотно там стали принимать, говорили: «Вот, она ходит к Слюсареву, а мы-то самоучки...». Но ведь я тоже начинала как самоучка...

* * *

Когда поступала в художественное училище, мне уже было двадцать пять лет. Нас таких великовозрастных было три человека. Но мы все прошли хорошо. На первый курс набрали три группы, и в каждой было порядка двадцати человек. Женщин было мало, в основном поступили молодые люди после семилетки. В тридцать пятом поступила, когда училище открылось, а в сороковом был первый выпуск. У училища не было своего здания, и за время учебы мы сменили четыре помещения. Сначала занимались по вечерам в здании, где готовили красных директоров для различных предприятий и учреждений. Затем занятия стали проводиться в помещении картинной галереи на Вайнера, 11. Там мы разместились на первом этаже и уже рисовали с натуры. Потом переехали в здание бывшей макаронной фабрики на улице Карла Либкнехта, напротив филармонии. А дипломы уже писали в помещении филармонии. В училище меня освободили от всех общеобразовательных предметов, поскольку у меня уже был диплом. У меня дочка уже росла, и мне разрешили ходить только на специальные предметы. Их было немало: живопись, графика, композиция, декоративное искусство. Ездили мы и в анатомичку. Директором училища был Гончаров⁷, он прекрасно читал историю искусства, и у меня по этому предмету была пятерка. Хожателев⁸ вел черчение и перспективу, а Камбаров⁹ преподавал ос-

---

⁵ Иван Кириллович Слюсарев (1886—1962) — живописец, окончил Екатеринбургскую художественно-промышленную школу (1907). Под влиянием своего учителя Л. В. Туржанского работал в традициях московской живописной школы. Преподавал в учебных заведениях Екатеринбурга-Свердловска. Произведения хранятся в ЕМИИ, ПГХГ, НТМИИ.

⁶ Имеется в виду Свердловское училище ИЗО, возникшее в 1935 г. в результате реорганизации Уральского индустриально-художественного техникума.

⁷ Павел Федорович Гончаров (1888—1941) — педагог, окончил историко-филологический факультет Казанского университета, преподавал историю искусств в Казанском народном университете (1918—1919), УрГУ (1920—1921), исполнял обязанности директора в Свердловском училище ИЗО (1935—1937).

⁸ Павел Петрович Хожателев (1895—1987) — художник, окончил Казанскую художественную школу, с 1922 г. преподавал в Уральском художественном техникуме, в 1937—1959 гг. — директор Свердловского художественного училища.

новы скульптуры. Герман Мелентьев¹⁰ — мой учитель в художественном училище от первого до последнего дня. Он меня принимал, он меня выпускал. А потом его сын Олег прошел войну, окончил художественное училище и работал со мной в общей мастерской. С мастерскими тогда было плохо.

Мелентьев руководил моей дипломной работой «Возвращение с поля». На ней я изобразила, как молодежь возвращается с сельских работ. Они идут прямо на зрителя, смеются, поют, один парень на гармошке играет. У Мелентьева была особая преподавательская система, он следовал указаниям своего учителя Фешина¹¹. На личность учеников он не давил, сначала присматривался, кто куда тянется, и потом помогал добиться поставленной цели.

* * *

Когда я уже была студенткой, Иван Кириллович возил меня к Туржанскому¹² в Малый Исток. Я раньше не знала, что он там живет. А мы с семьей летом как раз в Истоке отдыхали, снимали хату и жили... С Туржанским вместе мы этюды не писали, он всегда предпочитал, чтобы я сидела и смотрела, как он пишет. В хате у него были низкие окна, как обычно в деревне. Он сидел у окна с огромным этюдником, с палитрой, которую он никогда почти не чистил. Он считал, что нельзя чистым цветом крыть, а нужно тон составлять, но чтобы тон был чистый, не грязь, а определенный оттенок. Он меня на это толкал всегда. Берет, бывало, книгу, меловая бумага, глянцевая такая, книга старая «Родная речь», была такая, вырывает листок, и без всякого грунта начинает писать. Лошадки там, телятки, а я сидела и смотрела.

---

⁹ *Илья Алексеевич Камбаров* (1879—1958) — скульптор, учился в Саратове в Боголюбовском училище рисования (1901—1904), в Петербурге в школе Общества поощрения художников (1904—1907), в Высшем художественном училище Академии художеств (1907—1910). С 1918 г. жил в Екатеринбурге. Автор монументальных и станковых произведений. Работы хранятся в ЕМИИ.

¹⁰ *Герман Александрович Мелентьев* (1888—1967) — живописец, педагог, окончил Казанское художественное училище (1915), учился в Высшем художественном училище Академии художеств в С-Петербурге (1915—1918). Преподавал в Кунгуре, Перми. В 1935—1953 гг. работал в Свердловском художественном училище. Произведения хранятся в ЕМИИ.

¹¹ *Николай Иванович Фешин* (1881—1955) — живописец, педагог, учился в Казанской художественной школе (1895—1900), в Высшем художественном училище при Академии художеств в С-Петербурге (1900—1909) у И. Е. Репина. Преподавал в Казанском художественном училище. В 1923 г. уехал в США. Работы хранятся в ГТГ, ГРМ, в других музеях и частных коллекциях. О влиянии И. И. Фешина на педагогический метод Г. А. Мелентьева рассказывал и учившийся у него в конце 1940-х — начале 1950-х гг. С. П. Янков: «Эти природные качества, отшлифованные под руководством И. И. Фешина в годы учебы Мелентьева в Казанском художественном училище, определили методические требования Германа Александровича. Большое внимание он уделял рисованию с натуры, где важное место занимали наброски, развивающие у будущего художника остроту восприятия. Педагог требовал, настаивал, просил, чтобы под рукой у ученика всегда были альбом и карандаш, позволяющие фиксировать любые мимолетные впечатления от натуры. Любимой поговоркой Германа Александровича была фраза «рисуй всегда, даже вечером за чайком».

¹² *Леонард Викторович Туржанский* (1874—1945) — живописец, окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (1907). Работал преимущественно в пейзажном и анималистическом жанрах. В 1912 г. в деревне Малый Исток под Екатеринбургом построил мастерскую, куда ежегодно приезжал работать. Принес на Урал традиции лирического пейзажа московской живописной школы. Среди учеников Туржанского уральские художники И. К. Слюсарев, О. Э. Бернгард, Н. С. Сазонов и др. Работы Туржанского хранятся в ГТГ, ГРМ, ЕМИИ, в других музеях и частных коллекциях.

Я что-то не помню, делал он подготовительный рисунок или не делал. Он так быстро все делал, и работы были небольшие. Так он работал при нас с Иваном Кирилловичем. А потом они вместе ходили куда-то далеко на этюды, писали, иногда ездили надолго с ночевкой, я не могла, у меня уже семья была, дочка... Была я у Туржанского раза три. А вообще-то я его увидела впервые, когда была на втором курсе и мы с дочкой вышли в лесок землянику собирать утром. Дочка маленькая, годика четыре. И вот мы с ней землянику собираем на полянке, а кругом лес. Вдруг вот так раздвигается стена леса и выходит человек, красивый, среднего роста с бородой. Тогда ему было, по-моему, лет шестьдесят. Он был в шляпе и с огромным этюдником. А поскольку я слыхала от Слюсарева, что в Малом Истоке живет художник Туржанский, я так и подумала. Дочка прячется за мою юбку, она испугалась. Он говорит: «Ягодки собираете? Ну хорошо, хорошо...» и прошел. Потом я Ивану Кирилловичу сказала: «Я ведь, наверное, видела Туржанского», он отвечает: «Ну конечно, это он». И после этого Слюсарев стал меня брать с собой к Туржанскому.

Со Слюсаревым вместе я тоже не работала. Он всегда принимал нас дома у себя в квартире, поставит натюрморт — и мы пишем. До Слюсарева я все карандашиком работала, а он научил писать акварелью, это надо было для поступления.

* * *

В сороковом году по направлению художественного училища я пришла в Союз художников. Первые годы приходилось много писать копий, были заказы от различных организаций. Через Художественный фонд заключался договор, оговаривались сумма, срок. Писали по определенным репродукциям, которые присылали из Москвы, из Министерства культуры. Репродукции были цветные, на обороте стояли печати и подписи, разрешающие копирование. Помню, писала я копию «Запорожцев» Репина, картина огромная, а у меня мастерской еще не было. Писала дома, картина заняла целую стену. Когда верхнюю часть надо было писать приходилось вставать на стул, чтобы достать. Писала копии с картин «Письмо с фронта» Лактионова, «Утро в сосновом лесу» Шишкина, «Март» и «Поздняя осень» Левитана. Размеры копии не должны были совпадать с оригиналами, и на обороте холста ставилась подпись копииста. Несколько раз писала «Охотники на привале» и «Тройку» Перова. Ох, как их брали в различные торговые организации, в Дома отдыха, во Дворцы культуры...

Это была хорошая школа. Я присматривалась к композиции, к творческой манере известных мастеров. Все это мне пригодилось в работе над собственными картинами.

* * *

Я когда пришла в Союз художников, женщин-то не было... Да, была одна Партина¹³, живописец, но она была уже в возрасте. И мужчины были все в возрасте, я их

---

¹³ Татьяна Алексеевна Партина (1893—1963) — живописец, график, училась в Уральском индустриально-художественном техникуме (1924—1927), работала в основном в области портрета. Работы хранятся в ЕМИИ.

хорошо помню. Минеева¹⁴ помню, ох, такой был революционер, по природе революционер... Шумный такой, хохлатый, шевелюра у него пышная была. С Николаем Сазоновым¹⁵ я была вместе на этюдах во время войны, он с дочкой, и я с дочкой. Нас возили на автобусе в скотоводческий колхоз и там мы писали доярок, телят...

Сергея Михайлова¹⁶ я знала только по собраниям в Союзе художников. Он старше меня был. А творчество его тогда мало знала, хотя он выставлялся иногда. Он ведь болел очень, у него были большие перерывы в работе. Он был оригинал в своем плане, ему была близка живопись Сезанна, Ван Гога. Но чтобы его ругали на собраниях, не помню.

Настоящим учеником Туржанского был Олег Бернгард¹⁷, он не просто брал уроки частным характером. Вместе с Туржанским он постоянно писал, и они часто ездили на этюды.

Нонин¹⁸ вместе со мной поступил. Вместе и окончили. В профкоме вместе работали, танцы организовывали среди художников, тогда особо модными были фокстрот и танго. Он долгое время был председателем правления и ответственным секретарем Союза. Молодежь его не любила, говорили, что он плохо относится к новым художественным поискам, к новой, не реалистической живописи. А он много для художников делал: и мастерские доставал, и квартиры. Все дела решал быстро, оперативно. «Заходите позже» — от него не слышали. Он мастерской не имел. У него была большая квартира в центре города, и в одной из комнат он оборудовал мастерскую. Писал портреты, виды Свердловска. На даче своей много писал. А когда я уезжала из города, он работал в моей мастерской. У меня в мастерской стояло множество ваз, горшков, различной керамики, они были мне нужны для натюрмортов. Когда я возвращалась, то во всех вазах стояли гладиолусы. Ионин из всех цветов любил писать только гладиолусы. Жена его тоже живописью увлекалась, была художником-любителем. Она мне рассказывала, что напишет букет, а Ионин придет, мастихином его счистит и говорит: «Хочешь писать цветы, иди учись у Ираиды Семеновны».

---

¹⁴ Александр Макарович Минеев (1902—1971) — живописец. В 1920-х гг. учился в студии Пролеткульта в Екатеринбурге (Свердловске). В 1920-е гг. работал декоратором в Пролетарском театре Верх-Исетского завода и в клубах Свердловска. Участник Великой Отечественной войны. Работы хранятся в ЕМИИ, НТМИИ, ПГХГ.

¹⁵ Николай Степанович Сазонов (1895—1972) — живописец, график, окончил Екатеринбургскую художественно-промышленную школу (1916), работал в области пейзажа, писал индустриальные мотивы Урала. Работы хранятся в ЕМИИ.

¹⁶ Сергей Алексеевич Михайлов (1905—1985) — живописец, окончил Казанский художественно-технологический институт (1927). С 1929 г. жил в Свердловске, преподавал в Свердловском училище ИЗО (1937—1940). Произведения хранятся в ЕМИИ.

¹⁷ Олег Эдгардович Бернгард (1909—1998) — живописец, график. Родился в Германии. Отец — художник, мать — музыкант. С 1914 г. в России. Учился в Уральском художественном техникуме (1922—1924) и у живописцев Л. В. Туржанского, А. А. Арнольдова и И. К. Слюсарева. Работал в основном в жанре пейзажа.

¹⁸ Давид Маркович Ионин (1916—1987) — живописец, график, заслуженный работник культуры РСФСР (1965), окончил Свердловское училище ИЗО (1940). Председатель правления (1945—1952, 1964—1981) и ответственный секретарь (1957—1963) Свердловской организации Союза художников. Произведения хранятся в ЕМИИ и НТМИИ.

У Екатерины Гилевой¹⁹ характер был сильный, она работала активно, настойчиво. Телевизор не признавала, постоянно и много читала, она иллюстрировала детские книги. Ее муж был репрессирован в тридцать седьмом и погиб.

С Борей Семеновым²⁰ мы самодеятельные спектакли устраивали и концерты. Если надо какой-нибудь сценарий написать, он — пожалуйста, исполнить — пожалуйста. Он работал акварелью на огромных листах, город любил и город очень много писал. Работал упорно, точно. Художник высокого уровня, он чувствовал себя первым, и на него многие равнялись. Выдумщик был: помню, отмечали мое пятидесятилетие в ресторане «Большой Урал», и он говорил экспромтом тосты: «Коньяк, вино, коктейль, портвейн / Мы пьем за Иру Финкельштейн!», и еще разные... Талантливый, яркий был человек, музыку любил, стихи...

Жили и работали мы очень дружно. Союз был сплоченный, была поддержка. После войны приглашали актеров, артистов филармонии и проводили в Союзе музыкальные вечера и концерты. Организовывались групповые поездки в колхозы. Давали нам автобус, обеспечивали жильем, питанием, и мы писали этюды. А потом устраивали выставки.

* * *

Во время войны все художники — и наши уральские, и приезжие из Москвы и других городов — работали над плакатами для «Окон ТАСС»²¹. Я работала вместе с Гилевой, Бернгардом, Рудницкой и Петровой. Давался нам текст, где излагался факт о победе наших войск. Работа распределялась. Один художник делал эскиз и подготовительный рисунок. Эскиз проверял художественный совет, был строгий контроль. Затем, когда эскиз утверждался, надо было резать трафарет. На каждый цвет делался отдельный трафарет. Поочередно отпечатывали губкой на бумагу. К этой работе привлекали и жен художников. Плакаты делались большие, не меньше ватманского листа. Сдавали работу в бюро рекламы, которое находилось около парка Маяковского. Потом женщины из этого бюро развешивали плакаты по городу, на заборы, на дома, около заводских проходных.

---

¹⁹ *Екатерина Владимировна Гилева* (1907—2000) — график, училась в Уральском художественно-промышленном техникуме (1924—1929), работала учителем рисования в средней школе, художником газеты «Тагильский рабочий» в Н. Тагиле. С 1935 г. жила и работала в Свердловске, сотрудничала в качестве художника, иллюстратора и оформителя книги в издательствах Урала.

²⁰ *Борис Александрович Семенов* (1917—1991) — живописец, акварелист, заслуженный художник РСФСР (1961). Окончил Ленинградское художественное училище (1936). С 1938 г. жил и работал в Свердловске. Произведения хранятся в ЕМИИ.

²¹ В 1941 г. в Свердловске были организованы выпуски агитвитрин «Окна сатиры» и «В бой за Родину». В жанре плаката активно работали местные художники, а также мастера, эвакуированные в Свердловск с Украины, из Москвы: Г. Ляхин, А. Кудрин, О. Бернгард, В. Зинов, В. Говорков, С. Адливанкин, С. Михайлов, Н. Муратов, Б. Зенкевич, В. Говорков, П. Караченцов, В. Таубер. Среди поэтов, работавших над текстом к плакатам, — Н. Мерцальский, И. Садофьев. За период 1941—1945 гг. вышло более ста номеров агитвитрин (общий тираж более пяти тысяч экземпляров), из них большая часть ныне находится в собрании Свердловского областного краеведческого музея.

Работали напряженно, случались и «горячие ночи», когда работу надо было сдать к утру. Помню, на Уралмаше мы делали плакаты с изображением продукции завода для фронта, до ночи не успели, и директор Уралмашзавода оставил нас, четырех женщин, в своем кабинете. Мы работали всю ночь, подремали часок на директорском диване, а утром надо было бежать к детям. Когда мы работали в райкоме, нам давали талоны на завтраки, обеды или ужины, и мы часть продуктов тоже забирали с собой для детей...

К сожалению, у меня ничего из плакатов военного времени не сохранилось. На плакатах был текст в прозе или стихах, над ним работали писатели. Еще во время войны я знала, что есть такая свердловская поэтесса — Лена Хоринская²², и она обо мне знала, а познакомились мы с ней лишь недавно и сейчас часто разговариваем, правда, только по телефону...

* * *

После войны мы жили на площади Пятого года в доме Горного института, муж у меня заведовал кафедрой в Горном институте. Окна как раз выходили на площадь, и хорошо была видна горка, которую делали перед Новым годом. Новогоднюю горку я из окна и писала. Дети катались гурьбой, стоя, шумно было, весело. Поздно вечером и мы с друзьями шли кататься на горку. Фонари горели, а новогодней елки еще не было. Она появилась позднее — в годах пятидесятых...

* * *

После войны прошла первая выставка моих работ в Доме литературы и искусства на Пушкина. У литераторов были помещения направо от центральной лестницы, а у нас, художников, — налево.

Я не занималась производственной тематикой, а вот натюрмортов великое множество написала. Очень любила писать цветы, и полевые, и садовые. Много писала в ботаническом саду, розы различных сортов, шиповник, азалию...

Я портретом много занималась. Любила писать людей необычных, чем-то интересных. За портрет профессора Мокрушина²³ получила грамоту горисполкома. Мы вместе с мужем были в Доме отдыха для научно-технических работников, там я и познакомилась с профессором Мокрушиным. Он сам любил рисовать, в Доме отдыха писал акварелью. Я тоже привезла с собой краски. За работой и познакомилась, договорились о портрете. Писала я портрет Мокрушина у него дома, в рабочем кабинете...

---

²² Елена Евгеньевна Хоринская (Котвицкая) (р. 1909) — поэтесса, заслуженный работник культуры, окончила Литературный институт им. А. М. Горького (1940). С 1935 г. в Свердловске. Автор поэтических книг.

²³ Сергей Григорьевич Мокрушин (1896—1986) — профессор, доктор химических наук, заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1967), крупный специалист в области коллоидной химии и физикохимии поверхностных явлений. Портрет С. Г. Мокрушина был подарен художницей кафедре физической и коллоидной химии УГТУ—УПИ.

Написала портрет корейского юноши²⁴. Муж работал в Горном институте, в пятидесятых годах там учились представители разных национальностей — и буряты, и корейцы. Я заходила к мужу несколько раз на кафедру и договорилась с одним корейским пареньком. Он приходил ко мне в мастерскую, и я его писала. Форма у них была тогда такая специальная, горняцкая.

Написала портрет и моего мужа — Давида Наумовича Финкельштейна. Он был кандидатом химических наук, войну всю прошел. Диссертацию он написал еще до войны и должен был ее защитить. Ему давали бронь, но он отказался и до сорок шестого года был в армии. В Чите он заведовал лабораторией, в которой уничтожали японское химическое оружие. Произошла авария, отказала тяга, и муж сильно отравился ипритом. Несмотря на тяжелую болезнь, он, возвратившись в Свердловск, быстро защитил кандидатскую и стал заведовать кафедрой в Горном институте.

Хорошей знакомой моего мужа была Белла Дижур²⁵. Она писала популярные книги про химические опыты для школьников, и ей в редакции сказали: «Все, что связано с химией, надо проверить у специалиста». Мой муж стал консультантом. Белла Дижур приходила к нему со своими работами, он поправлял, уточнял. Была она и у нас дома несколько раз.

Близким другом моего мужа был профессор Соломон Миллер, крупный ученый-гигиенист²⁶. Мы дружили семьями и часто ходили к Миллерам в гости. Соломон Вениаминович позировать не мог, он был уже пожилым человеком, но я прикинула колорит лица, запомнила черты, позу, делала наброски. Писала портрет в мастерской, практически по памяти. Помню, остановиться не могла, хочется еще что-то добавить, что-то изменить... Внучка, ей семь лет тогда было, все говорила мне: «Бабуля, ну хватит... Бабуля, ты все испортишь...». И правда: лучшее — враг хорошего. Смотришь на свои старые работы и думаешь: поправить бы немного. А начнешь поправлять — все испортишь. После смерти Миллера подарила портрет его семье. Жена Миллера сказала мне: «Ираида Семеновна, миленькая, вы нам живого Соломона принесли в дом...». Сын Миллера потом в Америку уехал и забрал портрет отца с собой.

Удачным был портрет Лиды Суворовой, здесь его как-то не приобрели, а французский национальный музей у меня его купил. Я любила писать комсомолию,

---

²⁴ Портрет корейского юноши Ким Пен Сепы демонстрировался на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию ВЛКСМ. Ныне хранится в ЕМИИ.

²⁵ *Белла Абрамовна Дижур* (1903—2006) — писательница, окончила химико-биологический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, преподавала биологию в Свердловском медицинском институте, работала химиком-экспертом, заведовала химической лабораторией. Автор многих научно-художественных и документальных произведений. Среди них: «Зеленая лаборатория» (1954), «Путешественники-невидимки» (1956), «Стеклянная река. Рассказы о стекле». Стихи публиковала с 1939 г. С 1987 г. жила в Нью-Йорке.

²⁶ *Соломон Вениаминович Миллер* (1898—1973) — основатель уральской школы гигиенистов, доктор медицинских наук, профессор (1937). Преподавал в Свердловском государственном медицинском институте (1941—1971), заведовал отделом гигиены труда Свердловского института труда и профзаболеваний, был председателем Свердловского отделения Российского научного гигиенического общества.

пионерию, людей молодых, задорных. Писала портреты дочери и ее подружек по школе. Пришла в школу № 12, где дочка училась, познакомилась с Лидой Суворовой и пригласила к себе в мастерскую. Она была отличницей и посещала музыкальную школу, училась играть на баяне. Через много лет встретила я Лиду на Комсомольской, я ее, конечно, не узнала, но она меня окликнула: «Ираида Семеновна, помните меня...». Она работает бухгалтером на производстве. Такая вот прозаическая профессия...

* * *

Сюжет картины «Первая буква»²⁷ во многом автобиографичный. Мне пришлось принимать участие в ликвидации неграмотности и в Невьянске, и в деревне. Я хорошо помнила своих великовозрастных учеников, приглядела на базаре пожилого мужчину в деревенском полущубке и пригласила позировать в мастерскую. В образе юной учительницы есть, конечно, автопортретные черты, одета она в матроску с красной косынкой — я так ходила, была такая мода у комсомольцев двадцатых годов.

«Первую букву» показывали на художественной выставке в Ленинграде, и московский искусствовед Нехорошев отметил эту работу в своей статье. Помню, как-то включила телевизор, и по центральному каналу в передаче о Свердловской картинной галерее во весь экран показали мою картину. Я была рада.

* * *

Я любила писать центр города. Помню, пишу этюд на проспекте Ленина, а мимо бежит стайка ребятишек, лет шести — семи, подбежали, окружили меня, глаза горят. Самый бойкий подбочился и спрашивает важно:

— Так вы, что ли, художник?

— Да! — отвечаю.

— Нет, художники бывают только дяденьки.

— Как видишь, есть и тетеньки.

Мальчуган аж присвистнул:

— Во, здорово! Ну, бежим ребята...

Компания сорвалась с места, а самый маленький сунул палец в палитру и запустил, на бегу размазывая краску по рубашке. Ну и попадет ему от матери: масляную краску отстирать непросто.

* * *

Мне доставалось за мою фамилию. Приняли меня кандидатом в Союз художников в 1945 г. В те годы существовал институт кандидатов. Во время войны я ведь, кроме плакатов, много рисовала, писала, ездила в творческие командировки по колхозам. В 1948 г. меня утвердили. И вдруг Ионии говорит мне накануне оче-

---

²⁷ Картина хранится в ЕМИИ.

редного перевыборного собрания в Союзе: «Вам голосовать нельзя, ваше личное дело в Москве потеряли...» Мне было неприятно, я поняла, в чем дело и переживала очень, но мужу не говорила... У мужа моего тоже были неприятности, он попал в опалу... В пятидесятых годах фамилию мою вычеркивали из статей. Ионии отнесет текст о городской художественной выставке в газету, там информация о художниках и обо мне, о моих работах, а выйдет газета — обо мне ни слова. Как-то я зашла в кабинет к Ионину, там находился незнакомый мужчина. Ионин говорит: «Познакомьтесь, это наша художница Ираида Семеновна Финкельштейн». Незнакомец изумился: «Так это вы Финкельштейн, а я думал, что Финкельштейн — мужчина...». Это был инструктор обкома партии, и он ожидал увидеть мужчину с черными волосами и большим носом, а увидел белокурую женщину с курносым лицом. После этого мою фамилию стали упоминать в газетных статьях. И сейчас у меня целый альбом с вырезками из газет.

Уже в шестидесятых годах Вязникова²⁸ взяли в Москву в оргкомитет Союза, и он мне сказал: «Я этого так не оставлю. Не я буду, если не найду вашего дела...». Получила я членский билет, а там стоит дата — 1965 год. Семнадцать лет потерянного стажа, но я на это не обращаю внимания. Все эти годы я много писала и выступала, в 1960 г. пригласили меня на I съезд Союза художников в Москву, правда, без права голоса, в качестве гостя, вместе с другими нашими художниками.

* * *

Пригласили меня на преподавательскую работу. В начале я работала в детской художественной школе при Свердловском художественном училище, а так как у меня были педагогические задатки, я и школу закончила с педуклоном, то меня из детской школы перевели в художественное училище. Среди моих первых учеников были Нина Костина, Володя Бушуев, Полуэктов. Поработала я в училище, правда, недолго, года три, но ученики мои меня не забывают и сейчас, заходят в гости, дарят свои картины. Они сейчас рассказывают, что считали меня очень требовательной и строгой. Рассказывают, как они внимательно изучали мои костюмы... Я действительно следила за модой, а так как в то время в магазинах сложно было приобрести что-то интересное, приходилось изобретать, подбирать... Шила в ателье и у знакомых портных...

* * *

Город наш растет, столько новых многоэтажных домов построили. Но хотелось, чтоб не забывали об озеленении дворов, было бы больше скверов и парков. Перед каждым домом должна быть зеленая площадка, чтобы пожилые люди и

---

²⁸ Александр Гаврилович Вязников (1909—1975) — график, заслуженный деятель искусств РСФСР (1968). В годы Великой Отечественной войны работал художником в армейских газетах. Председатель правления Свердловской организации Союза художников (1957—1963). Выполнял карикатуры, репортажные зарисовки для уральских газет, создавал плакаты и книжные иллюстрации. С 1964 г. в Москве: секретарь правления Союза художников РСФСР (1964—1968), главный художник газеты «Правда» (1969—1973).

малые дети могли видеть то благо, что нам дает природа. Надо больше сажать кустарников: жасмин, сирень, шиповник — у них такие ароматные цветы! Надо сажать деревья: черемуху, рябину, вишню, яблоню... И, конечно, не забывать о скамейках, чтобы люди могли с книгой посидеть... Тогда можно будет сказать: «Наш город — город-сад!».

* * *

Хорошие знакомые нашей семьи уехали, кто в Америку, кто в Израиль, они просят меня, чтобы я посылала им не покупные открытки, а фотографии своих работ. Я посылаю, но от большинства работ остались лишь черно-белые снимки. А где мои картины, про многие я уж ничего и не знаю теперь... Мои дети разбежались по свету...

2005–2006

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕРМАНЕ МЕТЕЛЕВЕ

А. М. Рыжков

Жизнь артиста

Есть у художника Метелева такая композиция — «Жизнь артиста». Даже не одна композиция, а девять холстов в одной раме. Сон человека. Его пробуждение, книги, мечты. Вот он стоит перед картиной. Сопrotивляется жестокому давлению жизненного груза. Человек деформирован и размазан по ступеням лестницы, ведущей вверх. Медленно вращаются шестеренки и жернова мироздания. В финале человек, судорожно раскинув распятые руки, уходит в иное, неведомое нам измерение. Скульптурная пластика, сдержанный цвет, жесткий и точный ритм. Мастерский рисунок. Странное сочетание реализма и абстракции. Необъяснимое светлое обаяние, исходящее от этой печальной картины...

Герман Селиверстович Метелев умер в мае 2006 г. Это тяжелая потеря и боль. Ведь для многих из нас он был не просто замечательным художником и глубоко содержательным человеком, а драгоценнейшей частью нашего внутреннего мира. Был и остается. Широким и сильным размахом своего всеобъемлющего таланта он похож на людей Возрождения. Все было подвластно его добрым рукам и любящей душе. Монументальная живопись, мозаика и ювелирное искусство. Гравюра, сценография и оформление книг. Кузнечное, столярное и плотницкое мастерство... Нет смысла, да и невозможно все перечислить. А какие он делал картины! Крупные не только и не столько по формату. Для нашего города они становились событием и откровением. Какой таинственной жизнью полны вещи в его лиричных и философских натюрмортах!